

УДК: 81.42

Щербак Н. Ф.

к.ф.н., ст. преподаватель
кафедра английской филологии и лингвокультурологии
С-Петербургский государственный университет

**«ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ» ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА: ИРОНИЯ,
КОМИЧЕСКИЙ ЛИРИЗМ, ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ**

Целью данного исследования является описание и анализ истории создания повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», выявление своеобразия механизма воздействия на читателя, описание роли юмористического и иронического подтекста.

Ключевые слова: Джером К. Джером, нарратив, ирония, юмор, сатира.

«Трое в лодке, не считая собаки» (в английском варианте *Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)*, 1889) – юмористическая повесть Джерома К. Джерома и повествует о лодочной поездке по реке Темзе (из Кингстона в Оксфорд). Прототипами троих героев являются реально существовавшие люди. Джей – в оригинальном тексте он называется только по первой букве своего имени (английская буква J от имени автора Jerome), Джордж Вингрейв (друг Джерома, который позднее стал менеджером в известном банке Барклай) и Карл Хентшель (названный в книге Гаррисом), основавший в Лондоне печатное дело. Есть в книге и еще один персонаж – собака Монморанси, которой главный герой обладал только в книге, в реальной жизни Джерому К. Джерому подобное животное подарили только в России, спустя много лет после выхода произведения. Впрочем, существует версия, в основу которой положена идея о том, что сам Джером считал: какая-то часть сознания англичанина обязательно напоминает собачьи черты и ассоциация человека и данного домашнего животного неминуема [1].

История начинается с того, что трое друзей (а также фокстерьер) проводят вечер в комнате Джея, покуривая, обсуждая болезни, от которых они страдают, приходят к обоюдному выводу, что им, наконец, необходим отдых. Оставаться отдыхать на природе героям не хочется по причине скуки, прогулки по морю могут закончиться плохо, так диктует здравый смысл, поэтому герои решают отправиться в путешествие по реке Темзе.

Первоначальная идея Джерома К. Джерома заключалась в том, чтобы написать хороший путеводитель по пригородам Лондона. Во-первых, это сразу поместило бы повесть в разряд произведений, которые строятся по принципу «путешествия» или даже образуют свой собственный жанр [2], весьма распространенный и в русской традиции и называемый «литературным путешествием». Подобный жанр представляет собой исторически сложившуюся традицию описания литератором (поэтом) собственного путешествия [2, с. 149]. Как и в любом художественном произведении, автор-путешественник из всего увиденного творит «особый мир», в котором раскрывается «жизненный смысл явлений и их интимный характер». Сначала Джером собирался назвать книгу «Повесть о Темзе». «Я даже не собирался сначала писать смешной книги», – признавался он в мемуарах. Книга должна была сосредоточиться на Темзе и её «декорациях», ландшафтных и исторических, и только с небольшими смешными историями «для разрядки». «Но почему-то оно так не пошло. Оказалось, так, что оно всё стало „смешным для разрядки“. С угрюмой решительностью я продолжал... Написал с дюжину исторических кусков и втиснул их по одной на главу» [3]. Первый издатель, Ф. У. Робинсон, сразу выкинул почти все такие эпизоды и заставил Джерома придумать другой заголовок. Джером написал уже половину текста, когда ему в голову пришла идея названия – „Трое в лодке“.

Некоторые исторические фрагменты, упоминание известных персоналий и географических точек, однако, в книге сохранились. Так, в повести говорится о знаменитом

Хэмптон-Корт, дворце в пригородах Лондона, резиденции короля Генриха Восьмого, а также об Обезьяним Острове и Острове Великой Хартии Вольностей, известных достопримечательностях на берегах реки Темзы по дороге из Лондона в Оксфорд.

Имя Генриха Восьмого (1491-1547) – притча во «языцех» для истории Англии. У этого короля, как известно, было шесть жен, многих из которых он сам казнил (самая известная казнь второй жены, Анны Болейн). Ради брака с Анной Болейн, используя как повод собственное желание появления наследника мужского пола, Генрих провозгласил Английскую Реформацию, после чего его отлучили от Католической церкви за развод с первой супругой, Екатериной Арагонской. Он же основал Англиканскую церковь, которая полностью отделилась от Римской Католической. Джером К. Джером использует знаменитые имена без особой корысти, в том смысле, что он совершенно не упоминает трагедии, связанной с историческими персонажами, а относится к известным героям просто как к милым любовникам: «Около Энкервик-Хауса, неподалеку от Мыса пикников, сохранились развалины старого монастыря. Возле этого старого монастыря Генрих Восьмой, говорят, поджидал и встречал Анну Болейн. Он встречался с нею также у замка Хивер в графстве Кент и еще где-то около Сент-Олбенса. В те времена жителям Англии было, вероятно, очень трудно найти такое местечко, где эти беспечные молодые люди не крутили бы любовь. Случалось ли вам когда-нибудь жить в доме, где есть влюбленная парочка? Это очень мучительно». И далее: «Нечто похожее, вероятно, было и тогда, когда этот легкомысленный юноша Генрих Восьмой ухаживал за своей маленькой Анной. Обитатели Бакингемшира неожиданно натыкались на них, когда они бродили вокруг Виндзора и Рэйсбери, и восклицали: "Ах, вы здесь!" Генрих, весь вспыхнув, отвечал: "Да, я приехал, чтобы повидаться с одним человеком", – а Анна говорила: "Как я рада вас видеть! Вот забавно! Я только что встретила на дороге мистера Генриха Восьмого, и он идет в ту же сторону, что и я".

Остров Великой Хартии другая историческая реалья, упомянутая Джеромом, это – английский остров, на котором, как полагают, почти 800 лет назад была подписана Великая хартия вольностей. В тексте Джерома К. Джерома о нем говорится так: «Мы отправились на остров Великой Хартии и обозрели камень, который стоит там в домике, и на котором, как говорят, был подписан этот знаменитый документ. Впрочем, я не могу поручиться, что он был подписан именно там, а не на противоположном берегу, в Раннимиде, как утверждают некоторые. Сам я склонен отдать предпочтение общепринятой островной теории. Во всяком случае, будь я одним из баронов тех времен, я настоятельно убеждал бы моих товарищей переправить столь ненадежного клиента, как король Иоанн, на остров, чтобы оградить себя от всяких неожиданностей и фокусов». Имеется в виду Иоанн (Джон) Безземельный (1167-1216) – король Англии с 1199 года, чье правление считается одним из самых катастрофических за всю историю Англии – оно началось с завоевания Нормандии французским королём Филиппом II Августом и закончилось гражданской войной, почти свергнувшей его с трона (за свои поражения он получил ещё одно прозвище «Мягкий Меч», Softsword). В 1213 году он признал Англию вассалом папы римского, чтобы закончить раздор с католической церковью, а в 1215 году восставшие бароны заставили его подписать Великую хартию вольностей, из-за этого Иоанн наиболее всего и стал известен.

Помимо исторических реалий в их вольной интерпретации, на наш взгляд, интересен момент, связанный с созданием самого механизма «английского юмора». Британский (или английский) юмор несёт в себе сильный элемент сатиры, приемы включают в себя двусмысленность и интеллектуальные шутки, преуменьшение, преувеличение, сарказм при невозмутимой подаче [4]. Стоит отметить, что каждый британский автор, естественно, вырабатывает свой собственный прием. Классическим юмористическим примером могут служить пьесы Оскара Уайльда, например, в его пьесе «Как важно быть серьезным» одним из самых ярких эпизодов является диалог с матерью невесты: «Потерю одного из родителей еще можно рассматривать как несчастье, но потерять обоих, мистер Уординг, похоже на

небрежность»). Сходной по популярности можно назвать книгу Джорджа Микеша «Как быть иностранцем» (HowtobeanAlien, 1946), в которой английский юмор достигает высшей точки: «Конечно, английская девушка способна подучить, ну, например, географию. Но когда девушка знает, столицей чего – Румынии, Венгрии или Болгарии, – является Будапешт, пропадает весь шик. А если при ней, знающей, что Будапешт – столица Румынии, в этом качестве будет вдруг упомянут Бухарест, она должна выказать хотя бы некоторое недоумение. Будет гораздо милее при упоминании Барбадоса, Банска Быстрицы или Фиджи поинтересоваться: – Ах, эти островки... Из Британских? (Как правило, следует положительный ответ)». В обоих примерах комический или юмористический эффект строится либо на преуменьшении значимости чего-то («потерять обоих родителей, похоже на небрежность»), либо на подчеркнута преувеличенном равнодушии в отношении знания или обнаружения собственной эрудиции: «ах, эти островки... Из Британских?». В отношении Джером К. Джерома следует сказать, что он тоже изобретает механизм юмористического изложения, и дается ему это не сразу.

Как следует из воспоминаний «Моя жизнь и время» [3], критика Джером К. Джерома была нещадной и беспощадной, почти до самой той встречи с редактором Робинсоном, который и опубликовал «Трое в лодке». До этого репутация Джерома было очень шаткой: «Думаю, смело можно сказать, что в первые двадцать лет моей писательской карьеры ни одного другого автора в Англии так не поносили, как меня. «Панч» неизменно именовал меня «Гарри К'Гарри», после чего наставительно вещало о том, какой великий грех для писателя – путать юмор с вульгарностью и остроумие с наглостью. Что касается журнала «Нэшнлобсервер», даже галке в Реймском соборе не досталось столько проклятий, сколько обрушивали на мою голову едва ли не каждую неделю Уильям Эрнест Хенли и его надменные молодые люди. Я бы должен быть польщен, но в то время я все принимал всерьез и немало страдал. Макс Бирбом постоянно на меня гневался. «Стандард» объявил меня чумой английской беллетристики, а «Морнинг пост» приводила в пример того, к каким печальным последствиям приводит излишнее образование среди низших классов. На обеде по случаю открытия ресторана «Краснапольски» на Оксфорд-стрит (ныне «Фраскати») меня усадили рядом с литератором Гарольдом Фредериком, только что прибывшим из Америки. Я заметил, что он посматривает на меня с любопытством. – Где ваш каменный топор? – спросил он вдруг. – Оставили в гардеробной? Он объяснил, что, по отзывам в английских литературных журналах представлял меня каким-то первобытным дикарем» [3].

Наиболее известная шутка Джерома К. Джерома касается, помимо прочего, анекдота в отношении барометров, на которые нельзя положиться, трудностей, связанных с обучением игры на шотландской волынке. Другие смешные истории – описание тех трудностей, с которыми сталкиваются путешественники во время прогулки по реке. Обращает на себя внимание нетривиальность шуток, которые обычно, то есть конвенционально, используются в театральных постановках. Эпизод-история о двух пьяных героях, которые случайно забрались в одну постель, история о приготовлении «ирландского жаркого» (попытка смешать в новом блюде все объедки, оставшиеся с предыдущего ужина, как известно, изюминка эпизода – описание того, как собака Монморенси тоже хочет поучаствовать во всеобщем деле, в какой-то момент возвращается к месту приготовления еды и приносит туда дохлую крысу в качестве своего посильного вклада). Другой эпизод, описанный в третьей главе, – история, связанная с непосильным бременем вешания картины на стену.

Критики сходятся на мысли о том, что Джером К. Джером достигает такого поразительного комического эффекта путем описания самых тривиальных деталей жизни. Он настолько виртуозен в описаниях повседневности, что достигает в этом эффекта гротеска, косвенно используя творческие приемы Марка Твена [5]. Только ли его?

Авторы, которые исследуют историю создания английского юмора и его отражение в литературе, выделяют несколько этапов становления традиции, включающей творчество Чосера, Уильяма Шекспира, Эдварда Лира, Джонатана Свифта, Генри Филдинга, Чарльза

Диккенса, Сомерсета Моэма, Артура Конан Дойла, Джорджа Оруэлла, Агаты Кристи. Комизм ситуаций, описанный Чосером или Шекспиром, отличен от политической сатиры Джонатана Свифта и Генри Филдинга. Сходным образом, тонкие намеки Конан Дойла не похожи на реалистичность Сомерсета Моэма и прямодушие Чарльза Диккенса. Подобный список писателей показывает, что традиция юмора менялась, как менялись и жанры повествования. «Трое в лодке» включает в себя многочисленные примеры иронии, ее различных средств и форм воплощения, метафорических переносов («и говядина и земляника со сливками тоже чувствовали себя неважно»), смены регистра («он сошел на берег во вторник, и когда пароход отвалил от пристани, проводил его грустным взглядом»), игры слов («— Что прикажете принести, сэръ? — Унесите меня отсюда, — последовал еле слышный ответ»), каждый из которых создает «объем» повествовательных техник и насыщает текст своеобразием и настроением [6].

Разница между текстами разных авторов заключается в основополагающих принципах литературных традиций, которые воплощаются в произведениях по-разному. Если для Филдинга или Джонатана Свифта характерна политическая сатира, то в XIX веке более заметно- полное отсутствие сатиры, за исключением, как пишут критики, творчества Лорда Байрона [7], что объясняется, в частности, юридическими законами против письменной клеветы, как и законами, гласными и негласными, Викторианского общества, в целом. Подобная традиция сатирического изображения действительности возвращается, по мнению историков и литературоведов, только в XX веке, в творчестве Т.С. Элиота и Ивлина Во, а также в произведениях Хаксли и Оруэлла, Вирджинии Вульф и Джеймса Джойса. «Трое в лодке, не считая собаки» как будто бы- «частная история», рассказанная с доверием и полным пониманием частного мира действительности истинного англичанина, она не является политическим памфлетом и, скорее всего, даже не воплощает в себе идей определенного класса или сословия.

Обращают на себя внимание приемы юмора, механизмов его реализации, которые обнаруживаются и ярче всего проявляются в детской литературе (возможно, неслучайно в тексте Джерома К. Джерома в аннотации к первой главе значится, что речь в главе пойдет о «средстве против болезни печени у детей»). Подобные примеры «детскости и юмора» включают, по данным исследования М. Забараки, пять основных приемов, самые яркие из которых это: включение в повествование гротескных персонажей (собака, которая ассоциируется с человеком), ирония по отношению к правительству или историческим реалиям (о подобных примерах речь шла выше, имеются в виду случаи упоминания Генриха Восьмого), примеры нонсенса (факт утверждения персонажами и повествователем того, что они больные всеми болезнями, кроме воспаления коленной чашечки), «физический» юмор, то есть «юмор действия», когда шутка не вербализуется, а реализуется в действии, «на практике»(в тексте: «тогда он расстегнул меня и осмотрел сверху донизу, потом взял меня за руку и ударил в грудь, когда я меньше всего этого ожидал, — довольно-таки подлая выходка, по моему мнению, — и вдобавок боднул меня головой»), шутки, реализуемые путем игры автора с персонажами, их нарочито комическое появление и т. д. Можно говорить о том, что этим приемам соответствуют десять «областей юмористической парадигмы», которые можно обнаружить как в детской литературе, так и в тексте Джерома К. Джерома. Области (или средства выражения) включают примеры а) преувеличения или гиперболы («если бы Джордж действительно спал еще больше, он с равным успехом мог бы умереть и сэкономить, таким образом, деньги на квартиру и стол, б) удивительности описываемого события, его экстраординарности («и вот вам снится, что на вас сел слон и что извержение вулкана бросило вас на дно моря вместе со слонем, который спокойно спит у вас на груди. Вы просыпаетесь и приходите к убеждению, что, действительно? случилось что-то ужасное. Прежде всего, вам кажется, что пришел конец света, но потом вы решаете, что это невозможно, и что на палатку напали воры или убийцы, или, может быть, случился пожар», в) абсурдности описываемой ситуации или утверждения («будь все люди похожи на того

парня, которого я однажды видел на пароходе, шедшем в Ярмут, эту загадку было бы довольно легко объяснить»), г) насмешки («когда Монморенси перешел на мое иждивение, я никак не думал, что мне удастся надолго сохранить его у себя. Я сидел, смотрел на него (а он, сидя на коврике у камина, смотрел на меня) и думал: эта собака долго не проживет. Ее вознесут в колеснице на небо – вот что с ней произойдет), д) проявления жестокости («вы выражаете эту мысль обычным способом, но помощь не приходит, и вы чувствуете, что вас пинают ногами тысячи людей и что вас душат»), е) вербальной реализации юмористического взгляда на жизнь [8].

Таким образом, иронический эффект, реализация метафор, смена регистра, театральные приемы, эффект «частной истории», в некоторых случаях, нарочитое сходство с детской литературой и характеризующими ее приемами юмора, создают особое настроение повествования в повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке», подчеркивают ее своеобразие. Задуманное как историческая хроника или путеводитель, произведение превратилось в классический образец воплощения английского юмора и частной истории жизни, популярной до сих пор.

Литература

1. Geoffrey Harvey. "Introduction". Oxford World's Classics edition of *Three Men in a Boat*. Oxford, 1998.
2. Краснощекова Е. Иван Александрович Гончаров. Мир творчества. – СПб.: Пушкинский Фонд, 1997.
3. Джером К. Джером. «Моя жизнь в время». – М.: Аст, 2014.
4. What are you laughing at? Simon Pegg. *The Guardian*, 10 February 2007.
5. De la Oulton, Carolyn. *Below the fairy city. The life of Jerome K. Jerome*. Brighton: Victorian secrets limited, 2012.
6. Anthology of humour in English literature. [Электронный ресурс]. Дата обращения 01.12.2016. URL: <http://svitppt.com.ua/angliyska-mova/antology-of-umor-in-englis-literature.html>
7. Ünal AYTÜR. Humour and satire in English literature. *Çankaya Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi. Journal of Arts and Sciences Sayı*. 3 May 2005.
8. Matthew D. Zbaracki. *Descriptive study of how humor in literature serves to engage in their reading dissertation*. Ohio: Ohio State University, 2003.